

С л о в о,

въ день поминовенія основателей и благотворителей Кіевской духовной Академіи и всѣхъ учившихъ и учившихся въ ней, произнесенное на заупокойной литургіи 31 декабря 1903 года въ соборной церкви Кіево-Братскаго монастыря.

*Твердое основаніе Божіе стоитъ, и ницѣе печатъ сію: позна
Господь сущія Своя. 2 Тим. 2, 19.*

Еще одинъ годъ отходить въ необъятную для нашей мысли вѣчность. Еще нѣсколькими именами, то болѣе, то менѣе извѣстными въ богословской наукѣ и въ церковно-общественной жизни, но одинаково дорогими сердцу общей нашей Матери-Академіи, пополнился двитиѣхъ нашего академическаго братства. Напитавъ нѣкогда всѣхъ своихъ питомцевъ духовнымъ хлѣбомъ ученія, школа наша, по мѣрѣ возможности, поддерживаетъ духовное общеніе съ ними и по выходѣ ихъ изъ ея стѣнъ, а по отшествіи ихъ изъ сей жизни въ жизнь загробную, она любвеобильно принимаетъ ихъ въ свой молитвенный помянникъ, и мы нынѣ творимъ годичное поминовеніе всѣхъ почившихъ о Господѣ основателей, благотворителей братства нашего и всѣхъ учившихъ и учившихся здѣсь, съ полнымъ сознаніемъ священнаго нашего долга любви къ нимъ во Христѣ и съ твердымъ упованіемъ, что и о насъ помолятся грядущія поколѣнія сыновъ нашей духовной Матери. Едва-ли въ цѣлой вселенной есть что-либо болѣе крѣпкое, чѣмъ тѣ незримыя и таинственныя нити, ко-

торами связуется земная жизнь съ загробнымъ бытіемъ. И настоящее молитвенное торжество наше подъ священною съпѣю Братскаго храма есть одно изъ проявленій этого поистинѣ утѣшительнаго общенія обитателей міра земнаго и міра загробнаго.

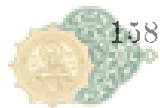
Что-же повѣдаютъ нынѣ другъ другу два, связуемые любовію и срѣтающіеся въ молитвѣ, міра—Академія земная и Академія небесная?

Почившіе о Господѣ *отцы наши* въ духовномъ бытіи (Сир. 44, 1) и всѣ нынѣ и присно поминаемые отцы и братія наши по Академіи и наукѣ пребываютъ въ ненарушимомъ покоѣ—отобразъ той вѣчной, святой и блаженной тишины, въ которой, надъ множествомъ міровъ, покоится Всевышній. А мы, *живущіи оставшіи* (1 Сол. 4, 15), проходящіе еще путь церкви воинствующей, являемся время отъ времени участниками, по крайней мѣрѣ, свидѣтелями той бури и брани житейской, которая не всегда минуетъ и небурный островъ науки академической. Особенно въ послѣднее время, можетъ быть, вслѣдствіе измѣнившихся условій русской церковно-общественной жизни, предъявляющей все новые и новые запросы къ представителямъ церкви и богословія въ Россіи, къ „учащимъ силамъ церкви русской“, отчасти же, вѣроятно, въ связи съ общимъ стремленіемъ нашихъ дней къ переоцѣнкѣ всякихъ цѣнностей, поднято знамя борьбы противъ богословской науки вообще, противъ богословія Старой Академіи по преимуществу. Слышится съ разныхъ сторонъ нареканія на богослововъ Старой Академіи и на современныхъ русскихъ богослововъ, унаслѣдовавшихъ отъ первыхъ научныя ихъ средства и все вообще ихъ научное наслѣдіе. Предъ судомъ однихъ обвинителей старое и современное русское богословіе оказывается книжною ученостію, „схоластикію“, которая не имѣетъ отношенія къ дѣйствительной жизни и лишь порождаетъ въ самихъ служителяхъ ея какой-то странный недостатокъ умственной воспримчивости ко всему новому, свѣжему, живому и столь-же стран-

ную привычку и стремление—все новое и творчески-самостоятельное подгонять къ тѣмъ группамъ идей, которыя давно сложились и какъ бы застыли у богослововъ.

А вотъ и болѣе мягкое, но за то и болѣе рѣшительно и, повидимому, болѣе обоснованное обвиненіе противъ собственно кievскаго богословія, богословія нашей школы за ея первыя и послѣдующія времена ея существованія. Это, говоря намъ, было и есть богословіе школы, далекое сколько отъ жизни, столько и отъ вселенскаго церковнаго сознанія: это—односторонне-разсудочное стремленіе къ воспріятію постиженію тайнъ вѣры, догматовъ; это—богословіе, по своему свойству и приѣмамъ, прямо противоположное богословію свято-отеческому. Святые отцы и учителя Церкви, жившіе жизнью Церкви, этого „нешвеннаго хитона“ Христовы полагали, что мысль и слово человѣческія, по своей слабости и ограниченности, не могутъ выразить вѣчныхъ истин вѣры или выражаютъ ихъ лишь очень условно; поэтому они не придавали существеннаго значенія словесной формѣ вѣроученія, а стремились къ духовно-созерцательному воспріятію тайнъ вѣры, къ созерцанію, которое достигается путемъ нравственнаго самоусовершенствованія и подвига всей жизни путемъ проникновенія въ искупительное дѣло самоумиленія Господа. У кievскихъ богослововъ, говорятъ, напротивъ нѣтъ свято-отеческой силы и дерзновенія, нѣтъ художественнаго выраженія вселенской истины; всюду у нихъ замѣчается преобладаніе анализа, отвлеченныхъ умствованій, стремленія оправдать и доказать божественную истину логическими приѣмами. Общее стремленіе расчленивъ живое вѣросознаніе сказалось, будто бы, здѣсь и въ ученіи о Трибогочеловѣка, въ дробленіи единого искупительнаго богочеловѣческаго подвига на отдѣльные догматы, равно какъ въ ученіи о благодати и таинствахъ, здѣсь понятіемъ и односторонне-правовомъ смысломъ.

Конечно, книжная ученость богослововъ не есть живой, богоносный духъ Церкви. Школа, по самому существу своему, примѣняетъ и въ богословіи общенаучные приемы и методы мысленія—анализъ и синтезъ, привноситъ сюда систему и проч. Но надо-ли еще и въ наши дни доказывать примѣнимость разума въ дѣлѣ постиженія откровенія, когда общеизвѣстно, что откровеніе не можетъ быть безъ воспринимающаго его разума въ такой же мѣрѣ, какъ и разумъ не можетъ быть безъ откровенія? И не святые ли отцы и учителя Церкви въ борьбѣ за истину всецерковнаго сознанія и исповѣданія противъ еретиковъ первые дали образцы употребленія логическихъ приемовъ и системы? Однако, безъ сомнѣнія, ни у святыхъ отцовъ, ни у богослововъ нашей школы систематичность и вообще научные приемы въ изложеніи вѣроученія Церкви никогда не исключали и „внутренняго созерцанія“—этого опытнаго, столь знакомаго подвижникамъ христіанской вѣры и жизни, пути богопознанія,—и не убивали „внутреннихъ порывовъ“ вѣры.

Впрочемъ, самое стремленіе къ точности и опредѣленности въ области чистаго духа и свободы можетъ производить на непосредственное христіанское чувство—тяжелое впечатлѣніе? Но не съ легкимъ сердцемъ, не безъ внутренней борьбы стали первоначальники нашей школы и ихъ продолжатели и преемники на путь подражанія схоластическому латино-польскому богословію. Они сами достаточно понимали невысокое качество принятыхъ здѣсь научныхъ приемовъ, и только крайняя нужда для православія и народности русской противопоставить латино-польскому вліянію равносильное и однородное оружіе заставило ихъ принять и держаться принятой на западѣ учено-богословской системы. Нельзя также упускать изъ виду и общей ограниченности разума человѣческаго въ дѣлѣ постиженія божественнаго, который всегда далекъ отъ совершенства, всегда склоненъ впадать въ односторонность и уклоняться отъ праваго пути. Тѣмъ не менѣе

не малую заслугу богословія нашей школы составляет сам по себѣ то уже, что ею достигалась строгая дисциплина ума: приобрѣтался навыкъ къ систематическому мышленію сколько въ области предметовъ обыденнаго знанія, столько и въ области вѣроученія, вырабатывалось законченное міросозерцаніе под. Не правы, поѣтому, тѣ, которые принижаютъ эту сторону древне-академической, а вмѣстѣ и современной академической науки, даже готовы видѣть здѣсь какой-то „органическій порокъ ума“ представителей этой науки.

Вѣрна и всякаго пріятія и выполненія достойна съ нашей, братіе, стороны та мысль, что богословіе не должно представлять себѣ цѣлю только само себя, должно, напротивъ стремиться проникнуть жизнь людей тѣмъ духомъ откровенія и церкви, котораго истолковательницею оно является. Но эта мысль, безъ сомнѣнія, присуща была первоначальникамъ нашей школы, и осуществленіе ея полагалось задачею дѣятельности и всѣхъ послѣдующихъ поколѣній академическихъ питомцевъ. И безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что Академія наша; и при нѣкоторыхъ несовершенствахъ своего образованія, оказала неоцѣнимую услугу Православной Церкви, русской народности и русскому просвѣщенію. Пусть не всегда были достаточно совершенны и цѣнны пріемы и пути академической науки къ достиженію своей святой цѣли;—въ очахъ Божіихъ цѣнны усердіе и ревность, прилагаемая съ человеческой стороны къ дѣлу Божію: *„если есть усердіе то оно принимается, смотря по тому, кто что имѣетъ, а не потому, кто чего не имѣетъ“* (2 Кор. 9,12)

Этою-то святою ревностью по Богѣ, по вѣрѣ и Церкви богаты были родоначальники нашей школы и послѣдующіе роды и поколѣнія отцевъ нашихъ по духу. Эта святая ревность по Богѣ помогла имъ пронести цѣлымъ и сохраннымъ сокровище вѣры чрезъ вѣковую бурю чужеземной брани. Ее завѣщали они и намъ. Жизнь нашего времени далеко ушла впередъ, по сравненію съ ихъ временемъ, по пути всякихъ

усовершенствованій жизни. Но пока *царство міра не сдѣлалось царствомъ Господа* (Апок. 11, 15), на представителяхъ Церкви и богословія лежитъ навсегда не отмѣнный долгъ—подвизаться за истину Божию даже до крови (Евр. 12, 4).

Поминая нынѣ всѣхъ отшедшихъ къ Господу академическихъ отцевъ и братій нашихъ, мы молимся и помолимся объ оставленіи личныхъ прегрѣшеній каждаго изъ сонма ихъ, вѣдомыхъ намъ по именамъ и невѣдомыхъ. Но въ сонмѣ ихъ есть, къ великому духовному утѣшенію нашему, уже прославленные всею Церковію—святители Христовы: Феодосій, Димитрій и Иннокентій; есть еще не прославленные всею Церковію, но мѣстно чтимые—святители Іоасафъ (Горленко), Симонъ (Тодорскій) и др.

Они всѣ—*стѣмя свято—стояніе* (Ис. 6, 13) нашей школы; они—присные намъ ходатаи за насъ предъ престоломъ Божиимъ, небесные покровители нашего Братства и насъ, несовершенныхъ членовъ его. Они во-очію представляютъ намъ святость и вѣчное значеніе того дѣла, которому служила школа наша съ основанія своего во всѣ времена. *Твердое основаніе Божіе стоитъ, илущее печать сію: позна Господь суція своя* (2 Тим. 2, 19). Да будетъ же духъ ихъ сугубъ въ насъ, да возможемъ въ трудныя времена сіи явить себя *дѣлателями непостыдными, право правящими слово истины* (2 Тим. 2, 15)! Аминь.

Свящ. А. Глаголевъ.